

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.42.27.003

Защита избирательного права в контексте верховенства права**Кулишенко Екатерина Алексеевна**

Преподаватель кафедры административного и финансового права,
специалист по учебной работе факультета повышения квалификации
и переподготовки судей, государственных гражданских служащих
судов и Судебного департамента (ФПК судей и госслужащих судов),
Северо-Кавказский филиал,

Российский государственный университет правосудия,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: kiti_12_03@mail.ru

Аннотация

Идея верховенства права, исходит из концепции естественного права, как альтернатива позитивистской идеи верховенства закона (позитивного права), значит предположение возможности неправового закона (более неправового акта) как формально-юридического закона (или акта), который по своему содержанию противоречит праву, и неправовых действий или бездействия (в отличие от противоправных, нарушающих формальный закон) должностных лиц. В правовом государстве неправовые законы (и другие акты) не должны быть изданы, а если так случилось, не должны применяться; неправовые действия (бездействие) должностных лиц не могут допускаться и не должны быть толерантными, а в случае совершения, их последствия должны устраняться, а лица, которые их допустили, испытать негативные последствия. Таким образом, верховенство права имеет три основные сферы применения, которые отвечают всем трем основным функциям государства: законотворчество (неправовой закон не может быть принят), управления (неправовые акты и деяния органов управления и их должностных лиц не допускаются), судопроизводство (должен быть обеспечен независимый судебный контроль за соблюдением требований верховенства права в первых двух сферах). В заключении показано, что для принципа верховенства права важной стороной является его реализация в указанных сферах правовой деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулишенко Е.А. Защита избирательного права в контексте верховенства права // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 9А. С. 20-25. DOI: 10.34670/AR.2020.42.27.003

Ключевые слова

Избирательное право, верховенство права, защита, правовая деятельность, правовая система.

Введение

В проблеме применения верховенства права существуют две связанные составляющие: как понимать его содержание (что именно означает верховенство права? и где искать то право, которому принадлежит верховенство).

Содержание принципа верховенства прав получило развитие в трудах многих исследователей-теоретиков и философов права. Так, ученый определял "три элемента господства права, присущие организации современного конституционного государства», к которым он относил: конституцию, которой подчинена деятельность высшей власти в государстве; признание сферы прав человека и гражданина, которые ограничивают государственную власть; народное представительство как орган законодательной власти" [Лукьянова, Порошин].

Считается, что для правового государства необходимы, как минимум: система распределения властей («разделение властей»), демократический принцип народного суверенитета с обязательным институтом «широкого народного представительства», обеспечение прав человека, справедливая правовая система государства на основе его конституции [Головин, 2008]. Конечно, на такое понимание правового государства (в тогдашнем понимании верховенства права) существенное влияние оказывали актуальные проблемы общественно-политического развития самодержавной Российской империи начала XX века.

Основная часть

В конце XX в. русский философ права утверждал, что «в содержательной плоскости... [признакам верховенства права] соответствуют три взаимосвязанных компонента правового государства»; «к таким компонентам ученый относил:» «гуманитарно-правовую (права и свободы человека и гражданина); нормативно-правовую (правовой характер закона, конституционно-правовая природа и основа источников действующего положительного права) и институционально-правовую (система разделения и взаимодействия властей, включая их взаимными сдерживаниями и противовесами)» [Какителашвили, 2017].

Несмотря на смену эпох (а возможно, именно поэтому), до сих пор единого научного понимания принципа верховенства права не достигнуто. По мнению ученых, все подходы к пониманию содержания этого основополагающего принципа, можно разделить на две большие группы. Первая из них «характеризуется попыткой исследовать названное явление через сочетание значений каждого из двух самостоятельных терминов-понятий: право и главенство» [Макаренко, 2015], то есть, по сути, стремится выяснить, что осуществляет главенство и над чем.

Вторая группа подходов пытается раскрыть содержание принципа верховенства права "через посредство указания на его составляющие" [Должиков, 2018]. Другими словами, в отличие от сторонников подходов первой группы, которые пытаются осмыслить идею верховенства права в ее целостности, интегрально, представители второй группы подходят к задаче более аналитически, поэлементно, раскладывая общую идею в спектр основ, необходимых для реализации верховенства права, то есть с точки зрения, более подходящей для их функционирования в законодательной и правоприменительной практике. На этом основании для обозначения первого подхода предлагаем название целостного, а для второго –

спектрального. Понятно, однако, что "расклад" принципа верховенства права на составляющие не отрицает, а подчеркивает объединительный (интегральный) характер этого принципа. Такой подход является реализацией представления о принципах права как системы требований (принципов-составляющих);» каждое из требований, составляющее содержание определенного принципа права, также может приобретать характер принципа, но низшего уровня " [Какителашвили, 2015]. Собственно, спектральный подход к пониманию принципа верховенства права воспринимаем как методологический образец анализа содержания достаточно абстрактных современных принципов права (как общих, так и отраслевых).

В контексте осуществления народного суверенитета и демократии (народовластия) особое значение приобретают политические права и свободы. По определению ученого «политические права — это возможности человека участвовать в государственной и общественной жизни, влиять на деятельность различных государственных органов, а также общественных объединений политического направления» [Какителашвили, 2015]. Политические права и свободы «предопределяют возможности участия индивида не только в формировании и осуществлении власти, но и в общественно-политической жизни» [Гранатович, 2017]. По меткому высказыванию «самоуправление — это “политическая свобода”... Реализация политической свободы требует возможности реального участия в принятии коллективных решений... и предусматривает право голоса и занятия выборной должности и защита свободы слова, собраний и союзов» [Макаренко, 2015], то есть включает активное и пассивное избирательное право.

Группу политических прав единодушно выделяют все исследователи проблемы прав человека; их существенной чертой является связанность со статусом гражданина. В то же время заметим, что политические права следует отличать от группы прав, которые порой обозначают термином «гражданские права»: носителем последних является не гражданин, а индивид (человек) [Какителашвили, 2018].

Субъективные избирательные права как политические права реализуются в сфере публично-правовых отношений, связанных с осуществлением власти и формированием состава представительных органов (избрание должностных лиц), уполномоченных осуществлять эту власть. Они определяют правосубъектность граждан государства в условиях демократического государственного режима. Этим указанные права (и другие права из публично-правовой сферы) существенно отличаются от других личных (гражданских) прав. Признавая, что «субъективное избирательное право следует рассматривать как субъективное публичное право», некоторые российские правоведы, однако, утверждают, что в субъективных избирательных правах усматривается «диалектическое единство частноправовой и публично-правовой основ» [Лукьянова, Порошин]. Считаем, что такой вывод о наличии в избирательных правах элемента частноправового происхождения связан с распространенным мнением, что публичное право регулирует исключительно отношения властного подчинения (субординации), тогда как «сфера статуса свободного лица», в пределах которой существуют «отношения между равными субъектами», имеющие координационный характер, является сферой частного права.

Однако, по нашему убеждению, такое разделение слишком упрощено; хотя правоотношения, складывающиеся во время избирательного процесса, имеют определенный элемент субординации (так, управленческие функции осуществляют избирательные комиссии), все-таки среди них преобладают те, что возникают между «свободными» субъектами, которые не находятся в отношениях подчинения, а следовательно, имеют координационный характер.

Необходимо признать, что в демократическом государстве и в публичной сфере могут

действовать свободные субъекты, а цели и интересы, которые реализуются ими в таких правоотношениях, хотя часто являются личными, не имеют частного характера: выборы, вне всякого сомнения, является полностью публичным общественным явлением. Реализация индивидуальных субъективных прав и законных интересов во время выборов не может отеснить на второй план общую общественную цель выборов – формирование состава выборных представительных органов (замещение выборной должности).

Применяя к субъективным избирательным правам предложенные выше критерии по различению отдельных прав, отметим, что в ситуации, когда содержание всех субъективных избирательных прав достаточно тесно связано, вообще говоря, с правоотношениями общей природы, в которых они реализуются, решающим фактором утверждения наличия различных избирательных прав (а не правовых возможностей как способа реализации одного «широкого» права) есть существенные различия как в природе (содержании), так и в субъекте (носителях) такого права. Поэтому, хотя понятие избирательных прав относится к общеизвестным, для четкого понимания сути избирательных прав необходимо внимательное рассмотрение и установление их субъектов и их адекватного содержания и объема.

В науке Конституционного (в частности, избирательного) права альтернативой представлением о "едином избирательном праве граждан" является распространенный взгляд, в соответствии с которым существуют два вида избирательного права – активное и пассивное.

Своеобразный подход к пониманию субъективных избирательных прав предлагает ученый, который наряду с активным и пассивным избирательными правами рассматривает третье субъективное право граждан РФ – «право влиять на деятельность народных представителей и контролировать их с целью обеспечения эффективной работы депутатов и в целом органов народного представительства» [Должиков, 2018], содержание которого исследователь не раскрывает более подробно. Считаем, что попытка выделить такое отдельное субъективное избирательное право является определенным недоразумением. Прежде всего отметим, что правовая возможность такого содержания, если и существует, не может принадлежать к предмету объективного избирательного права. Кроме того, в условиях свободного мандата влияние избирателей на деятельность народных представителей не имеет юридического характера, а является лишь политическим; никакого правового контроля за деятельностью представителей, а тем более правового влияния на эффективность их деятельности, не существует. В условиях императивного мандата (который в демократическом государстве может существовать в определенных формах только на уровне местного самоуправления) контроль избирателей в отношении представителей может осуществляться через институт отзыва, который, как уже отмечалось, не относится к сфере выборов, поскольку является другой формой непосредственного народного волеизъявления.

Заключение

Считаем, однако, что наряду с общепризнанными двумя основными избирательными правами действительно следует рассматривать третье – номинационное избирательное право, то есть право выдвигать кандидатов на выборах. Это право, как отдельное избирательное право не является сегодня общепризнанным. Однако выдвижение кандидатов нельзя считать чисто технологической процедурой. В частности, немецкие правоведы также считают, что» как третье основное право при выборах должно рассматриваться право выдвижения кандидатов " [Какителашвили, 2015].

В этом смысле интересным является утверждение известного российского конституционалиста, который отмечал: "наиболее существенный признак выборов-прямое волеизъявление граждан и выдвижение ими из своей среды представителей для осуществления народовластия» [Гранатович, 2017]. Нетрудно увидеть, что в этой формуле закреплены все три вида избирательных прав. Так, «прямое волеизъявление граждан» предусматривает право голоса, наличие «представителей» – пассивное избирательное право, а «выдвижение представителей» – номинационное право и его первичного субъекта – граждан.

Библиография

1. Баглай М.В. Конституционное право РФ. С. 410; Головин А.Г. Избирательное право России: курс лекций. М., 2007. С. 89-90.
2. Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в РФ: тенденции и перспективы. М., 2008. С. 182.
3. Гранатович А.В. К вопросу о реализации избирательных прав военнослужащих // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3. С. 81—90.
4. Должиков А.В. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 80—112.
5. Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. М.: Галлея Принт, 2017. 264 с.
6. Какителашвили М.М. Мониторинг правоприменения в избирательной сфере и работа органов прокуратуры // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 16—26.
7. Какителашвили М.М. Некоторые проблемы современного российского федерализма // Законы России: опыт, анализ, практика. № 8. 2015. С. 89—94.
8. Лукьянова Е.А., Порошин Е.Н. Классификация поправок в избирательное законодательство как маркер целей и задач власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 29—37.
9. Макаренко Д.Г. Доверие как элемент правового сознания общества // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). С. 158—160.
10. Миерхольд А.А. Конституционная эволюция порядка формирования и полномочий Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Lex russica. 2018. № 11. С. 134—144.
11. Тхаркахо М.М. Конституционное регулирование принципов избирательного права: зарубежный опыт // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение. 2015. Вып. 3. С. 302-307.

Protection of the right to vote in the context of the rule of law

Ekaterina A. Kulishenko

Lecturer at the Department of administrative and financial law,
Learning Specialist at the Faculty of advanced training and
retraining of judges, state civil servants of courts and the Judicial Department,
North Caucasus branch,
Russian State University of Justice,
Postgraduate at the Department of constitutional and municipal law,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy st., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: kiti_12_03@mail.ru

Abstract

The idea of the rule of law, based on the concept of natural law, as an alternative to the positivist idea of the rule of law (positive law), means the assumption of the possibility of an illegal law (more

illegal act) as a formal legal law (or act), which in its content contradicts the law, and illegal actions or omissions (as opposed to illegal, violating the formal law) officials. In a legal state, non-legal laws (and other acts) should not be issued, and if this happens, they should not be applied; illegal actions (inaction) of officials can not be allowed and should not be tolerant, and if they are committed, their consequences should be eliminated, and the persons who allowed them to experience negative consequences. Thus, the rule of law has three main uses that meet all three main functions of government: lawmaking (unlawful act cannot be accepted), management (non-legal acts and acts of governments and their officials are not allowed), procedure (must be provided for independent judicial control over compliance with the requirements of the rule of law in the first two fields). In conclusion, it is shown that the principle of the rule of law is important for its implementation in these areas of legal activity.

For citation

Kulishenko E.A. (2020) Zashchita izbiratel'nogo prava v kontekste verkhovenstva prava [Protection of the right to vote in the context of the rule of law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (9A), pp. 20-25. DOI: 10.34670/AR.2020.42.27.003

Keywords

Electoral law, rule of law, protection, legal activity, legal system.

References

1. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation. P. 410; Golovin A. G. Electoral law of Russia: course of lectures. M., 2007. P. 89-90.
2. Golovin A. G. Evolution of the electoral legislation system in the Russian Federation: trends and prospects. M., 2008. P. 182.
3. Granatovich A.V. On the implementation of the electoral rights of military personnel // Citizen. Election. Power. 2017. No. 3. Pp. 81-90.
4. Dolzhikov A.V. is the Glass half full or empty? Interference as a form of restriction of constitutional rights // Comparative constitutional review. 2018. no. 1. Pp. 80-112.
5. Kakitashvili M. M. Constitutional and legal problems of financing political parties and election campaigns in the Russian Federation. Moscow: Halley Print, 2017. 264 p.
6. Kakitashvili M. M. Monitoring of law enforcement in the electoral sphere and the work of the Prosecutor's office // Monitoring of law enforcement. 2018. No. 3 (28). Pp. 16-26.
7. Kakitashvili M. M. Some problems of modern Russian federalism // Laws of Russia: experience, analysis, practice. No. 8. 2015. Pp. 89-94.
8. Lukyanova E. A., Poroshin E. N. Classification of amendments to electoral legislation as a marker of goals and objectives of the government // Constitutional and municipal law. 2019. No. 3. Pp. 29-37.
9. Makarenko D. G. Trust as an element of the legal consciousness of society // Bulletin of the Vladimir law Institute. 2015. No. 4 (37). Pp. 158-160.
10. Mierhold A. A. Constitutional evolution of the order of formation and powers of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // Lex russica. 2018. No. 11. Pp. 134-144.
11. Tharkaho M. M. Constitutional regulation of the principles of electoral law: foreign experience // Bulletin of the Adygeya state University. Ser.: regional Studies. 2015. Issue 3. Pp. 302-307.